

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

МАРК БЁРНЕЛЛ

РИТМ

СЕКЦИЯ

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б51

Mark Burnell

THE RHYTHM SECTION

Copyright © Magenta House Limited, 1999

Дизайн серии и переплета *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Бёрнелл, Марк.

Б51 Ритм-секция / Марк Бёрнелл ; [перевод с английского-го А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — (Кинопреьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-100324-1

Еще совсем недавно Стефани Патрик думала, что ее жизнь закончилась. В авиакатастрофе, вызванной терактом, погибла почти вся ее семья, а Стефани избежала гибели лишь чудом. Молодая девушка, не в силах справиться со страшным ударом, покатила по наклонной, опускаясь на самое дно... И тут она обрела надежду и возможность снова твердо встать на ноги. У нее появилась цель. И цель эта — месть. Тем, кто погубил ее прежнюю жизнь. И, чтобы наказать виновных, Стефани не остановится ни перед чем...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-100324-1

От автора

Из всех тех, кто помогал мне при создании этой книги, я хотел бы отдельно поблагодарить Джулиана Уоррена за его техническую помощь.

Хочу также поблагодарить Сьюзен Уатт за то, что она сделала редактирование таким безболезненным процессом.

Я в особом долгу перед Тоби Иди по причинам, которых так много, что невозможно их все здесь перечислить. Достаточно сказать, что я считаю эту книгу чем-то вроде совместного предприятия.

Характер — это судьба.

Джордж Эллиот
Мельница на Флоссе

Лекарством будет месть, и мы
излечим смертельное страдание.

У. Шекспир. Макбет
(пер. М. Лозинского)

*06:17 по Гринвичу/01:17
Восточное поясное время*

Снаружи температура упала до минус 52 градусов. Внутри поддерживаются постоянные плюс 23. Снаружи — скорость. Внутри — неподвижность. Снаружи давление воздуха соответствует высоте полета — 37 тысяч футов над уровнем моря. Внутри оно эквивалентно высоте в 6 тысяч футов. Сделанная из алюминия и собранная близ Сиэтла, эта разделительная черта между двумя взаимно враждебными средами имеет толщину всего два миллиметра.

Мартин Дуглас закрыл глаза, но не спал. Пассажир кресла 49С, житель Манхэттена и уроженец городка Юниондейл, штат Нью-Йорк, он сосредоточился на дыхании, пытаясь не замечать напряжения, своего незримо-го спутника на каждом рейсе, который Дуглас совершал.

Канал классической музыки авиакомпании через наушники транслировал Малера. Музыка скрадывала гул двигателей, маскируя мельчайшие изменения их тона, от которых у него каждый раз учащался пульс. Однако сейчас в уши Дугласу лилась приятная музыка, а на смену тревожному напряжению постепенно приходила усталость. Почти расслабившись, он приоткрыл тяжелые веки. На телеэкранах над проходами мелькали кадры фильмов, но большинство пассажиров вокруг него спали. Мартин позавидовал им. Впрочем, в дальнем конце салона виднелась пара конусов света от лампочек индивидуального освещения. Он снова закрыл глаза.

Когда прогремел взрыв, рейс NE027 «Северо-Восточных авиалиний» держал курс над Атлантикой, вылетев из Нью-Йорка, из аэропорта имени Джона Кеннеди, в лондонский аэропорт Хитроу. Вместе с летчиками и остальным персоналом на борту 26-летнего «Боинга-747» находились триста восемьдесят восемь человек.

Второй пилот Эллиот Швейцер пил кофе. Ларри Кук, бортинженер, возвращался на свое место после короткой прогулки по коридору салона, куда он вышел, чтобы размять ноги. Свет в кабине экипажа был приглушен. Снаружи стояла превосходная ясная ночь. Яркая луна поливала серебряным светом раскинувшийся внизу океан. Над самолетом сверкала россыпь звезд. На востоке и на севере небо было темно-фиолетовым с легким кроваво-красным оттенком вдоль изогнутой линии горизонта.

Никакие бесчисленные часы, проведенные в симуляторе «Боинга-747», вкуче с годами лётного опыта, не способны подготовить пилотов к реальному удару взрыва. Кофейная чашка вылетела из руки Швейцера, и ее содержимое выплеснулось на инструментальную панель. Ремень безопасности Кука не был застегнут, отчего его самого швырнуло на спинку сиденья Швейцера. Раздался хруст сломанной ключицы.

Кабина экипажа мгновенно наполнилась туманной взвесью; раздался вой декомпрессии. Капитан Льюис Марриот отреагировал первым. Прижав к лицу кислородную маску, он принялся считывать пугающую информацию, поступающую с датчиков.

— Стремительная разгерметизация! Всем надеть кислородные маски! — Капитан повернулся ко второму пилоту: — Эллиот, с тобой всё в порядке?

Швейцер дрожащими руками пытался надеть кислородную маску.

— Все нормально... со мной всё в порядке...

— Бери управление на себя! — приказал ему Марриот и тут же повернулся к Куку: — Ларри?

Лоб бортинженера был в крови, левая рука не двигалась. Сломанная ключица упиралась в ткань рубашки. Осторожно привстав над сиденьем, он прижал к лицу свою кислородную маску.

— Все будет хорошо...

— Тогда поговори со мной.

Красный мигающий огонек на приборной доске перед Куком подтверждал потерю давления в салоне. Взыла аварийная сирена. Кук нажал на светящуюся кнопку, заставляя ее замолчать.

— Сработала аварийная сигнализация! Разгерметизация салона!

— Срочно снижаем высоту, — сказал Швейцер.

Марриот кивнул:

— Задать изменение высоты полета! Закрыть тягу! Включить воздушный тормоз!

Перед Куком замигал желтый огонек.

— Поступил сигнал от систем гидравлики. — Он нажал на огонек, чтобы отключить его. Через две секунды тот включился снова. — Мы потеряли один комплект гидравлики. — «Боинг 747-200» был оснащен тремя гидравлическими системами. — Есть предупреждение о дисбалансе топлива.

Зажглась красная светящаяся надпись, сопровождавшаяся звуковым сигналом.

— *Пожар!*

— Проблема с автопилотом, — сказал Швейцер. — Я чувствую вибрацию.

Марриот посмотрел на Кука:

— Перечень действий при пожаре двигателя. Какой из них?

— Второй.

Под руководством Кука Марриот отключил двигатель номер два, отключил кнопку управления топливом, а затем потянул рукоятку включения противопожарной

системы второго двигателя, чтобы закрыть гидравлику и топливные клапаны. И, наконец, крутанул ручку, приводя в действие огнетушители.

— Теряем автопилот. Работает второй комплект гидравлики.

— Отключай автопилот, Эллиот! — Швейцер кивнул. — Придется сбросить скорость. Слишком сильная вибрация.

— Главное, держи машину ровно и разворачивайся. Берем курс на Гандер.

Гандер на острове Ньюфаундленд был ближайшей к ним взлетно-посадочной полосой.

Швейцер боролся со штурвалом.

— Господи, какой же он неповоротливый!

Снова взвыла пожарная сирена, сопровождаемая надписью на табло световой аварийной сигнализации.

— Придется еще раз включить огнетушитель. Пожар не потушен, — сообщил Кук.

— Похоже, у нас проблема с рулем и, возможно, заклинило стабилизатор. Дифферент ни к черту не годится.

Марриот настроил радио на самую высокую, аварийную частоту радионавигационной системы.

— Всем, всем, всем! Говорит борт «Северо-Восточных авиалиний» ноль-два-семь. Совершаем аварийное снижение. У нас повреждение конструкции. Не удастся потушить пожар двигателя.

* * *

Резкое торможение швырнуло всех вперед. Тех, кто сидел, расстегнув ремни безопасности, выбросило из кресел. Мартина Дугласа подкинуло вверх, но ремень врезался в верхнюю часть бедер и удержал его. Голова ударилась о спинку переднего сиденья. От удара он потерял сознание, и его обмякшее тело впечаталось в спинку кресла.

Он был без сознания всего три секунды. Даже будучи оглушен, понял, что у него сломан нос. Скорее всего, Мартин разбил и ободрал его о спинку переднего сиденья. Кровь сочилась из рваной раны, но почему-то не стекала по лицу. И не забрызгала рубашку или брюки на коленях. Вместо этого ее просто высасывало из кожи. Липкая вереница красных капель пролетела над сиденьями вперед, вместе с рвущимся наружу воздухом.

Впереди по проходу часть пола салона провалилась. Сломанные кресла были с силой вырваны из их креплений и стремительно утащены в ночь. Влетевший в салон торнадо сорвал с тел одежду, выдернул людей из кресел, поднял с пола ручную кладь и выкинул ее из верхних шкафчиков. После чего некая невидимая сила швырнула все эти обломки в переднюю часть «Боинга». Те, кто еще был в силах кричать, заходились в крике, но их жалкие вопли заглушал рев декомпрессии. Другие были без сознания. Или уже мертвы.

Боль в ушах оказалась мучительной — следствие ударной волны и резкого перепада давления воздуха. Но по сравнению со страхом боль была сущим пустяком. Ужас сжимал Дугласу горло, живот, грудь. Когда самолет начал падать, он инстинктивно вцепился в подлокотники и, выгнув дугой тело, приподнялся вверх, будто пытался хоть как-то противостоять падению «Боинга». Весь самолет бесконтрольно вибрировал. Дугласу казалось, что это настоящий ад, и что бы ни последовало за этим, уже не может быть хуже.

Мальчика, спавшего в кресле 49В, больше не было. Его ремень закрепили недостаточно надежно. Девушка у окна была либо без сознания, либо мертва. Волосы упали на ее лицо, закрыв его почти полностью, стекло иллюминатора было густо заляпано пятнами крови и казалось черным.

Кислородные маски упали с потолка и вытянулись в сторону источника разгерметизации. Ухватившись за пластиковую трубку одной из них, Дуглас дернул ее к себе и прижал к носу и рту. Дышать через маску оказалось

труднее, чем прижимать ее к лицу. Его легкие словно схлопывались, каждый новый вдох становился короче прежнего, а сами вдохи — все чаще и чаще. В глазах Мартина взрывались крошечные белые звездочки.

Он позволил себе оглядеться по сторонам. В салоне было темно, но из тех, кого Дуглас смог разглядеть, он был одним из немногих, что все еще оставались в сознании. Даже страдая боязнью полетов, Мартин не представлял, что страх может быть таким острым; что его худший кошмар, став реальностью, будет, словно хирургический скальпель, в буквальном смысле резать его пополам.

* * *

Снова зазвенела пожарная сигнализация. Кук не знал, с чего начать. Все датчики ярко светились. Он предположил — не желая признаваться себе, что доподлинно это знал, — что пожар, который все еще продолжал бушевать, охватил третью и последнюю из систем гидравлики. Спуск превратился в неконтролируемое падение.

Он схватил Марриота за плечо.

— Пожар распространяется дальше. Выходи на связь! Капитан снова вышел на частоту 1215.

— Всем, всем, всем! Говорит борт ноль-два-семь. Совершаем аварийный спуск. Падаем. На борту неконтролируемый пожар. У нас полный отказ гидравлики. До Гандера не дотянем. Это наш последний выход на связь. Наши координаты — пятьдесят четыре — север, сорок — запад. Мы постараемся...

* * *

Мартин Дуглас задыхался, что было даже к лучшему. Потеря сознания была бы актом милосердия. Тем более что теперь салон был полон дыма.

Однажды он попал в автомобильную аварию. На скорости более семидесяти миль в час несся по дороге сквозь

леса Вермонта — и налетел на корку почерневшего льда. Его машину понесло юзом и, развернув, выбросило на встречную полосу. К счастью, на шоссе в тот момент никого не было. К несчастью, вдоль дороги росли сосны. Тогда у него было время подумать, а затем — несколько секунд на то, чтобы предвидеть столкновение, ощутить страх, мысленно представить смерть как вполне вероятный исход... Сейчас все было иначе. Смерть не была вероятным исходом. Она была неизбежностью. Самолет камнем падал вниз. По сути, Дуглас знал, что уже мертв.

Когда дыхание уже не могло стать короче и чаще, он задержал его. На секунду. Затем сделал глубокий вдох. Накопленное напряжение словно вырвалось из него наружу. Он чувствовал, как оно покидает его голову, грудь, живот, как струится по ногам, вытекая сквозь подошвы ботинок в остов разваливающегося на части «Боинга-747».

Всего на один миг своей жизни Мартин Дуглас ощутил внутри падающего самолета покой и умиротворение.

1

Она — химическая блондинка.

Разносчик карточек был толстым скинхедом в спортивном костюме «Рибок». Он таскал с собой полотняную сумку для книг, набитую рекламными карточками проституток. Идя по Бейкер-стрит, переходил от одной телефонной будки к другой, приклеивая карточки к стеклу с помощью липучки «Блю-Тек». Прежде чем подойти к нему, Кит Проктор какое-то время наблюдал за ним издалека. А когда подошел, то показал парню клочок карточки, которую дал ему один из ее друзей, и спросил, знает ли тот, кто она такая. Разговорить расклейщика ему обошлось в пятьдесят фунтов. Да, он знает, кто она такая. Нет, она не его девушка. Но он слышал, что она якобы работает в Сохо.

На обрывке грязной желтой карточки была фотография женщины: она предлагала свою грудь, приподняв ее руками. Нижняя половина карточки — половина с номером телефона — отсутствовала.

Спустя час Проктор торопливо шагал по Шафтсбери-авеню. Падающий с небес дождик был таким мелким, что висел в воздухе, словно туман, и влага пропитывала все вокруг. Те, кто спешил через Кембридж-сёркус к театру на вечернее представление мюзикла «Отверженные», являли собой жалкое зрелище: они шагали, втянув головы в плечи и сгорбившись под холодным дождем. В этот час транспортный поток на Чаринг-Кросс-роуд был плотным. Красный свет задних фар дрожал, отражаясь в лужах.

На Кембридж-сёркус рядом стояли четыре старомодные телефонные будки. Проктор подождал пять минут, пока не освободилась одна из них. Когда тяжелая дверь захлопнулась за ним, заглушив звуки улицы, он понял, что в телефонной будке кто-то недавно курил. Запах затхлого сигаретного дыма был ему противен, но Проктор с неохотой поймал себя на том, что по-своему благодарен за это: ведь тот перебивал запах мочи.

Три стороны телефонной будки были сплошь заклеены рекламными карточками проституток. Проктор пробежался по ним глазами. Некоторые были фотоснимками, цветными или черно-белыми, другие — рисунками. Некоторые содержали лишь типографский текст, а изредка это были просто сделанные от руки надписи. Девушки предлагали своим клиентам обычный секс, оральный секс и анальный секс. Тут были рыжие, блондинки и брюнетки. Зрелые женщины и девушки-подростки. От пола и до потолка телефонной будки они были выложены кучками, словно товары на полке супермаркета. Негритянки, азиатки, Ближний Восток, Скандинавия. Некоторые национальности были частью рекламы: «грудастая голландская девушка — всего 21 год», «бразильская транссексуалка — новенькая в городе», «малышка-австралийка для игр и забав», «немка-нимфоманка, 19 лет — безотказная». Одна карточка сообщала: «Зрелая женщина — и горжусь этим! Сорок четыре — это не просто размер груди — это мой возраст!»

Вынув из кармана порванную желтую карточку, Проктор пробежал глазами карточки в телефонной будке. Подобную он нашел высоко над головой слева. Эта карточка была целой, и на нижней ее половине был напечатан номер телефона. Кит опустил в прорезь аппарата двадцать пенсов и набрал номер.

Ответила женщина. Ее голос был скорее усталым, чем соблазнительным.

— ...Я в телефонной будке, — пробормотал Проктор. — На Кембридж-сёркус.